

ВОЙНА И МИР

АЛЕКСЕЙ ИГНАТЬЕВ

ПУТЬ

РУССКОГО

ОФИЦЕРА

50 ЛЕТ В СТРОЮ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2023

УДК 327 (1-87)

ББК 66.4(4/8)

И 26

Игнатьев Алексей

И 26 Путь русского офицера. 50 лет в строю. – М.: Родина, 2023. – 448 с. – (Война и мир).

ISBN 978-5-00222-142-4

Воспоминания графа А.А. Игнатьева повествуют о судьбе офицера Русской императорской армии. Автор подробно описывает свое обучение в кадетском и пажеском корпусах, говорит о днях, проведенных в Николаевской академии Генерального штаба, делится мыслями о трагической Русско-японской войне.

Судьба графа в начале XX века немногим отличалась от судеб большинства его сослуживцев по Русской императорской армии, но революционные потрясения круто изменили его жизнь и взгляды.

УДК 327 (1-87)

ББК 66.4(4/8)

© Игнатьев А. А., 2023

ISBN 978-5-00222-142-4

© ООО «Издательство Родина», 2023

Содержание

Книга первая

Глава первая. Семья	6
Глава вторая. Отец	15
Глава третья. Детские годы	29
Глава четвертая. Киевские кадеты	53
Глава пятая. Пажеский Его Величества корпус	69
Глава шестая. Кавалергарды	95
Глава седьмая. Академия Генерального штаба (1899—1902)	149
Глава восьмая. В штабах и в строю	195

Книга вторая

Глава первая. Отъезд на войну	234
Глава вторая. От Москвы до Ляояна	247
Глава третья. Иностранные военные агенты	264
Глава четвертая. На фронте	288
Глава пятая. В госпитале	316
Глава шестая. Ляоян	330
Глава седьмая. Шахэ	350
Глава восьмая. Сандепу	371
Глава девятая. Мукден	393
Глава десятая. Конец войны	411
Глава одиннадцатая. Возвращение в Россию	432

Книга первая

Глава первая Семья

В Париже, после революции 1917 года, в мои руки попал документ, из которого я узнал свою родословную. Это был рескрипт Александра II правительствующему сенату от 19 июля 1878 года, возводивший моего деда, Павла Николаевича Игнатьева, со всем нисходящим потомством, к которому принадлежал и я, родившийся в 1877 году, «в графское Российской империи достоинство».

Из этого документа явствует, что Игнатьевы происходят от древних черниговских бояр, ведущих начало от боярина Бяконта, перешедшего на службу московских царей в 1340 году.

Сын его, митрополит Алексей, состоял главным советником последовательно при трех князьях московских и начал, между прочим, постройку первой каменной стены вокруг Кремля (1366 г.).

Род Игнатьевых при Московском дворе впоследствии не был в числе знатных, не подымаясь выше ранга сокольничьих, а позднее стрельцов. Известно, что Васька Игнатьев был пытан и казнен на Лобном месте после укрощения Петром стрельцкого бунта.

Прадед мой, генерал-майор артиллерии, состоял в 1812 году комендантом крепости Бобруйск и с пятиты-

сячным гарнизоном успешно оборонялся против двенадцатитысячного польского корпуса генерала Домбровского. Выйдя в отставку, генерал-майор рано умер, оставив вдову и единственного сына, Павла Николаевича — моего деда. Павел Николаевич окончил Московский университет, что впоследствии выделяло его среди сослуживцев и повлияло на его служебную карьеру¹.

Рослый, статный, дед по выходе из университета попал в ту военную атмосферу, в которой жила Европа наполеоновской эпохи: он поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Преображенский полк, был зачислен в 1-ю, так называемую «цареву», роту и в чине прапорщика вступил в Париж в 1814 году.

Один день или, точнее, даже одно утро — 14 декабря 1825 года оказало решающее влияние на всю жизнь деда. Как рассказывала мне бабушка, дед, просвещенный офицер, вращался в кругу будущих декабристов, принесших из Франции багаж «вольтерианства» — русского вольнодумства. Однако накануне памятного дня он имел длинное объяснение со своей матерью, которая заставила его поклясться, что он будет «благоразумен» и не выступит против власти. И когда на следующий день взволнованный Николай вышел на подъезд Зимнего дворца, ближайший к Миллионной улице, то первой воинской частью, прибывшей на Дворцовую площадь в распоряжение нового царя, оказалась 1-я рота Преображенского полка, казармы которой были на Миллионной. Командовал этой ротой капитан Игнатьев.

— Поздравляю тебя флигель-адъютантом, — сказал тут же Николай.

В память этого дня дед всю жизнь оставался «почетным преображением». Об этом мне напомнили на маневрах

¹ Среди военных высшее образование в ту пору было редкостью.

1898 года. Мой эскадрон кавалергардов был прикомандирован к Преображенскому полку. Пригласив нас к обеду в свою офицерскую палатку-столовую, преображенцы устроили мне сюрприз, поставив перед моим прибором старинную серебряную чарку, надпись на которой свидетельствовала, что она принадлежала моему деду.

За многие годы своей службы деду пришлось быть во главе самых различных государственных учреждений. Особенное значение имела его деятельность как директора Пажеского корпуса, в котором он воспитал многих выдающихся государственных людей эпохи Александра II, в том числе, например, Милютину; некоторые из его воспитанников, достигнув высоких государственных должностей, оставались со своим старым директором в переписке, советуясь с ним по особо важным вопросам. До смерти своей он состоял почетным членом Военно-медицинской академии и президиума женских учебных заведений. И когда теперь по делам службы я бывал в стенах Военно-медицинской академии, то вспоминал, что создание этой академии имело в свое время целью освободить военно-врачебный персонал от немецкого засилья.

Закончил свою жизнь дед председателем комитета министров. Умер он в 1880 году.

Бабушка моя, Мария Ивановна Мальцева, дожившая до восьмидесяти пяти лет, была мудрой старухой. Никогда не забуду, как, будучи еще ребенком, я получил от нее наставления, руководившие мною всю жизнь.

— У тебя, Лешенька, сумбур в голове, — доказывала она, подводя меня к старинной шифоньерке. — Вот посмотри, вся моя корреспонденция тут рассортирована, — объясняла бабушка, выдвигая малюсенькие ящички, — так и ты старайся все твои мысли и чувства ко мне, к отцу, к людям, к учению, к играм раскладывать в твоей головке по отдель-

ным ящичкам. Вырастешь — тоже отделяй в один ящик службу, в другой личные дела, в один — семью, в другой — знакомых и друзей.

Еще за месяц до смерти, в обычных послеобеденных спорах со мной, ее голубые глаза светились той характерной энергией мальцовской семьи, что создала в России огромное дело Мальцовских заводов.

Я помню, как в детстве я встречал у бабушки ее брата, Сергея Ивановича Мальцева — благообразного чистенького старичка с седыми бачками, одетого по старинной парижской моде. Помню также семейное предание о том, как Сергей Иванович в молодости занимал у старшего брата деньги и прокучивал их в Париже, но когда в третий раз он попросил еще сто тысяч рублей, то, получив их с трудом, взялся за ум, вывез из Франции инженеров, специалистов по стеклу и хрусталу и в короткий срок создал заводы в Гусь-Хрустальном. Брат его использовал еще ранее железнодорожную горячку 50-х годов и при содействии французских капиталистов создал дело вагоностроительных Мальцовских заводов. У Сергея Ивановича детей не было. Жил он одиноко, вставал всегда в пять часов, шел к ранней обедне и в семь часов садился за работу. Единственным его помощником был скромный, молчаливый и необыкновенно трудолюбивый чиновник Юрий Степанович Нечаев. Близкие называли его до самой смерти уменьшительным именем Юша. Каково же было удивление всех родственников, когда после смерти Мальцева выяснилось, что все многомиллионное состояние завещано Юше.

Дядюшка написал в завещании, что заводское дело он считает дороже семейных отношений, а так как среди родственников — Игнатьевых и Мальцевых — нет никого, кто мог бы дело сохранить и вести дальше, то он оставляет свои богатства человеку простому, но зато дельному. И вот у Юши

богатеиший особняк на Сергиевской, с зимним садом, каскадами и фонтанами, лучшая кухня в Петербурге, приемы и обеды, на которые постепенно и не без труда и унижений Юше удалось привлечь несколько блестящих представителей придворно-великосветской среды. Тщеславию его не было пределов. Он взял себе, на роль приемного сына, юношу, князя Демидова, оставшегося сиротой, и, женив его на дочери министра двора графа Воронцова-Дашкова, достиг своей заветной цели — породнился с высшей аристократией. Не проходило года, чтобы Юша не получал новых придворных званий. Надо, однако, отдать ему справедливость: он на свой собственный счет построил и оборудовал поныне сохранившийся Музей изящных искусств в Москве. Все образцы греческого и римского зодчества и ваяния были лично им выбраны на местах, с них были сняты гипсовые копии, которые доставлялись водой через Одессу.

Старый холостяк Юрий Степанович Нечаев-Мальцов умер во время мировой войны. Его завещание удивило всех не менее, чем завещание Сергея Ивановича. Все состояние он оставил второму сыну моего дяди — Павлу Николаевичу Игнатьеву, известному в ту пору министру народного просвещения. Неожиданно свалившимся богатством мой двоюродный брат воспользоваться, однако, не успел — произошла Октябрьская революция.

Павел Николаевич дожил свой век в далекой Канаде.

Дом бабушки — особняк в Петербурге на набережной Невы — в годы моего детства был для всей семьи каким-то священным центром. В этом доме-монастыре нам, детям, запрещалось шуметь и громко смеяться. Там невидимо витал дух деда, в запертый кабинет которого, сохранявшийся в неприкосновенности, нас впускали лишь изредка, как в музей. Кабинет охранял бывший крепостной — камердинер деда, Василий Евсеевич, обязанностью которого было также со-